

Ирина Михайловна Комарова
Смерть по фэн-шуй
Серия «Опасные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5827143
Смерть по фэн-шуй: роман: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04330-6

Аннотация

Рита в сыском деле, конечно, не такой ас, как ее напарник Гошка, но уже и не новичок. Поэтому заказ от новой клиентки, владелицы магазина «Жизнь по фэн-шуй» Татьяны Кулиничевой, показался Маргарите несложной рутинной. Хочет владелица установить, не ворует ли одна из продавщиц золотые амулеты? Что ж проще – Гоша и Рита установили скрытую камеру. Но в салоне, похоже, происходит нечто не объяснимое никакой восточной философией, потому что всего через пару дней в торговом зале обнаружился труп, а камера бесследно исчезла...

Ирина Михайловна Комарова

Смерть по фэн-шуй

Роман

Удар слева я легко блокировала. Так же легко отпрыгнула в сторону, увернулась от здорового кулака и очень удачно врезала Гошке ногой. Он покачнулся, я тут же добавила, а подножка получилась сама собой. Редчайший случай – мой непобедимый напарник рухнул на мат! Порадоваться этому я, правда, не успела – в падении Гоша сбил с ног и меня. Я попробовала уйти длинным кувырком, но была остановлена самым безжалостным образом. Когда Нина заглянула в нашу комнату, я беспомощно трепыхалась, пытаюсь вывернуться из-под Гошкиного колена. Поскольку картина эта была более чем привычной, никаких комментариев не последовало. Ниночка постучала по столу карандашом и звонко объявила:

– Брек! Гошка выигрывает по очкам, а Рите присуждается специальный приз «За волю к победе»! На этом веселье заканчивается, поднимайтесь. У нас клиентка.

– Когда явится? – поинтересовался Гоша.

– Уже явилась. Сидит у шефа в кабинете.

– Торопитесь, значит. – Гоша убрал колено с моих лопаток и вскочил. – Хочет денежку отстегнуть? Какая милая дама!

Я сделала глубокий вдох, наслаждаясь изумительным ощущением свободы и легкости, но медленный выдох закончить не успела. Нетерпеливый напарник небрежно схватил меня за шиворот и поставил на ноги:

– Чего валяешься? Работа ждет!

Он двинулся к выходу, но Нина загородила дорогу.

– Брюки отряхни. – Она перевела взгляд на меня и махнула рукой: – А ты хоть причешись, что ли.

– Кулиничева Татьяна Викторовна, – представил клиентку Баринов (он же шеф, он же Сан Сергеич, он же «наше все», он же создатель и руководитель детективного агентства «Шиповник»). И указал на нас: – А это оперативные сотрудники, Георгий и Маргарита. Они будут заниматься вашим делом.

Татьяна Викторовна одарила меня благосклонной улыбкой, а Гоше протянула руку для поцелуя:

– Очень приятно.

Гоша, не моргнув глазом, склонил голову и приложился губами к тонким, украшенным изящными кольцами пальчикам.

– Взаимно.

Мы заняли свои привычные стулья, и в кабинете на некоторое время воцарилось молчание. Кулиничева откровенно разглядывала Гошу, а я тем временем изучала ее.

Должна сказать, что впечатление Татьяна Викторовна производила самое благоприятное: стройная ухоженная женщина лет сорока пяти, с продуманным макияжем и идеальной прической, в элегантном и явно недешевом брючном костюме, удачно подчеркивающим достоинства ее фигуры (и наверное, не менее удачно скрывающим недостатки). Некоторое сомнение в безупречности ее вкуса вызывал избыток украшений. Кроме того, они плохо сочетались: кулон с изображением скорпиона, две цепочки, сложной конструкции серьги, на пальцах несколько колец с разноцветными камнями, к вороту пиджака приколотая странная булавочка с прикрепленными к ней блестящими бусинами, а на правой руке своеобразный браслет – семь тонких колец, соединенных изящной витой змейкой, и на каждом

кольце свободно закреплен оригинальной формы брелок. Сами по себе, по отдельности, все эти вещицы смотрелись очень мило, особенно булавочка. Собранные же вместе, выглядели диковато.

Татьяна Викторовна немного нервничала, но плакать, кажется, не собиралась, держала себя в руках. Очень хорошо. Приводить в чувство сорвавшихся в истерику дамочек – моя обязанность, и знали бы вы, как мне это надоело! Но сегодня мой фирменный коктейль (сорок капель валерьянки на стакан холодной минеральной воды), похоже, не понадобится. Единственное, что мне пока не нравится в потенциальной клиентке, – это то, как она смотрит на Гошку: будто на рынке приценивается – не прикупить ли товарец? А в остальном, напарник прав, очень милая дама.

Александр Сергеевич деликатно кашлянул:

– Мы вас внимательно слушаем.

Татьяна Викторовна перестала гипнотизировать Гошку, откинулась на спинку кресла и положила ногу на ногу.

– Собственно, мне нужны сущие пустяки. Вы ведь занимаетесь всякими такими делами?

– Извините. – Шеф был непоколебимо любезен. – Что вы имеете в виду?

– Ну-у... – Она неопределенно помахала правой рукой, и раздался тихий мелодичный звон. Кулиничева посмотрела на браслет и пожала плечами. – Ну, такие дела, вы понимаете? Когда надо выследить кого-нибудь, поймать за руку... вы ведь можете поставить скрытую камеру?

– Установить скрытую камеру действительно несложно. За кем вы хотите проследить и почему?

– Есть одна девица... – Татьяна Викторовна замолчала, снова посмотрела на браслет и шевельнула рукой. Металлическое позвякивание, похоже, ее подбодрило. – Впрочем, чтобы вы правильно поняли, я должна рассказать все с самого начала. Вы когда-нибудь интересовались учением фэн-шуй?

Баринов моргнул, а мы с Гошей переглянулись. Это начало? Мадам Кулиничева явно не в ладах с высоким искусством связного изложения фактов. Впрочем, возможно, мы несправедливы, и учение фэн-шуй имеет самое непосредственное отношение к проблемам Татьяны Викторовны. Тогда дело плохо, потому что «наше все» питает непреодолимое отвращение ко всякого рода мистике. Александр Сергеевич ни за какие деньги не возьмется за дело, в котором может неожиданно всплыть «сигнал из космоса», «верхние чакры» или «тонкие вибрации». И сейчас госпожа Кулиничева стремительно превращалась из «почти клиентки» в персону нон грата.

– Н-нет, – с некоторой запинкой ответил шеф. Судя по выражению лица, его посетили те же сомнения. – Как-то не довелось.

– А я вот уже лет десять как занимаюсь. И поверьте моему опыту, фэн-шуй – красивая и логичная система устройства жизни. Конечно, освоить сразу весь спектр энергетических потоков...

– Татьяна Викторовна! – решительно перебил ее Баринов. – Прошу прощения, но я действительно далек и от фэн-шуй, и от хиромантии, и от прочей... от всех прочих подобных учений. Надеюсь, скрытая камера вам нужна не для того, чтобы фиксировать паранормальные явления?

– Конечно нет. – Кулиничева взглянула на него с упреком и покачала головой. Теперь зазвенели серьги. – Для этого существуют совершенно иные инструменты!

Я посмотрела на Гошку и положила на колено раскрытую ладонь с растопыренными пальцами. Напарник качнул головой и показал мне два пальца. Потом один палец поджал.

Если Кулиничева еще раз упомянет что-то вроде «энергетических потоков», шеф избавится от нее в течение двух минут. А может, и за одну минуту.

– Впрочем, вы совершенно правы, – продолжила Татьяна Викторовна. – Фэн-шуй прямого отношения к делу не имеет. Просто, когда я познакомилась с этим учением, полученные знания произвели на меня такое впечатление... в общем, я перепрофилировала свой магазин – у меня был небольшой магазин бытовой химии на Чернышевского. Я там все убрала, выкупила соседнее помещение, ремонт сделала, пригласила специалистов, которые мне все по правилам распланировали. И уже восемь лет я хозяйка магазина-салона «Жизнь по фэн-шуй».

Под звон браслета Татьяна Викторовна открыла боковой кармашек сумочки, достала визитную карточку и положила на стол.

– Вот. И еще календарь наш, фирменный. – Рядом с визиткой лег прямоугольник рекламного календарика.

Александр Сергеевич бросил косой взгляд на пеструю картинку и взял в руки визитку.

– Дела в магазине идут неплохо, – продолжила Кулиничева. – Людное место, удобный график работы, качественные товары. Вы мне можете поверить, я очень хорошо в этом разбираюсь.

– Верим. – Баринов продолжал вертеть в руках визитку. – Ваш магазин процветает.

– Да, процветает. Сама я за прилавком, разумеется, давно не стою, у меня работают две продавщицы. Посменно: два дня, через два дня, шесть дней в неделю. В воскресенье – выходной. Нагрузка небольшая, поверьте, когда я сама начинала... впрочем, это не имеет отношения к делу. – Она снова повернулась к Гошке (серьги звякнули), и глаза ее затуманились печалью. Ну просто сиротка горькая, которой требуется помощь и защита! Гошка, разумеется, расправил плечи и выразил молчаливую готовность – и помогать, и защищать!

Баринов постучал визиткой по столу, привлекая внимание Татьяны Викторовны:

– Вы говорили о продавщицах.

– Да-да. – Теперь грустноглазая сиротка смотрела на шефа. – Одна из них, Светлана, давно у меня работает, порядок знает, и претензий к ней нет никаких. А вот вторая...

Снова длинная театральная пауза. Похоже, эта клубная самодеятельность начала утомлять не только меня, но и шефа. Голос его стал заметно жестче.

– Ко второй, очевидно, есть претензии?

Кулиничева бросила на Гошку еще один нежный взгляд, сопровождаемый мелодичным позвякиванием сережек, и сосредоточила внимание на Баринове.

– Именно так. Долли – вообще-то она Даша, Дарья Лагутина, но ей больше нравится Долли – работает у меня всего второй месяц. С работой она справляется, даже слишком хорошо справляется. Но я подозреваю... нет, я уверена. Я уверена, что Долли подворовывает.

– Это только подозрения или есть какие-то конкретные улики? – Поняв, что Татьяна Викторовна наконец перешла к делу, шеф позволил себе проявить интерес.

– Ничего конкретного. Да и подозрения только потому появились, что она... Я ведь в торговле больше двадцати лет, вы понимаете? И за прилавком стояла, и товароведом была, и хозяйкой не первый год. Я всякого навидалась – опыт есть. И я уверена: Долли подворовывает. Я это чувствую. Поэтому мне и нужна скрытая камера – я хочу поймать ее с поличным. Это ведь возможно?

– Разумеется, это возможно. – Александр Сергеевич положил визитку на стол. – Но зачем? Разве вы не можете просто проверить кассу? Провести инвентаризацию?

Кулиничева мило улыбнулась и стрельнула глазами в сторону Гоши. Мелодичный звон ее сережек показался мне немного назойливым.

– Конечно, могу. Но я бы хотела именно поймать ее за руку. Чтобы никаких вопросов не осталось.

– Если инвентаризация выявит недостачу, какие могут быть вопросы?

– Все не так просто. – Татьяна Викторовна снова погрузилась. – Дело в том, что эта Долли... она ведь ко мне не с улицы пришла. Если бы так, я бы долго разбираться не стала – зачем мне эта головная боль? Выгнала бы, и все. Но Долли я приняла по просьбе мужа. У меня как раз продавщица в декрет ушла, вот он и попросил пристроить девочку. Я подумала: почему бы и нет? Все равно кого-то брать надо, а Долли – привлекательная, неглупая, стильная. Муж так и сказал: «В стильном салоне за прилавком должна стоять стильная барышня». А «Жизнь по фэн-шуй», поверьте, стильный салон, работать в нем – это почти удовольствие. И зарплата приличная. Кто же знал, что эта девица – тварь неблагодарная! Ее взяли в такое приличное место, а она – воровать!

Теперь серьги и брелоки браслета зазвенели в унисон. Мне даже показалось, что я улавливаю мелодию.

– А ваш супруг... он хорошо знаком с этой Долли? Почему он хотел, чтобы вы взяли ее на работу?

– Он не сам хотел. В смысле, Олега просил приятель – это его пассия, вы понимаете? Поэтому я и не могу вот так, прямо ее обвинить. Вы понимаете?

– Пока не совсем. Даже если девушка – подруга приятеля вашего мужа, для вас она просто наемный работник. Причем работник, которому вы перестали доверять. В конце концов, вы можете просто поговорить с этим приятелем. Как его зовут, кстати?

– Женя. Евгений Максимович Лихачев. Но я же говорю, все не так просто. Женя – не только приятель мужа, у них с Олегом совместный бизнес.

– Какой именно?

– Большая пиццерия – «Пицца Италияно». Вы, наверное, знаете, это около вокзала.

Баринов слегка пожал плечами и вопросительно посмотрел на нас с Гошкой. Мы синхронно кивнули. А как же, знаем, и бывать там приходилось.

– Они владеют пиццерией на равных, – продолжила Татьяна Викторовна, – хотя Женя больше занимается административно-коммерческой частью, а Олег – производством. Наверное, это хорошо, потому что мой муж в финансовых вопросах далеко не гений... – Она на мгновение замолчала и нахмурилась, явно досадуя на себя. – Впрочем, это не имеет отношения к делу. Я просто хотела сказать, что, когда у предприятия два владельца, они не должны провоцировать друг друга на ссоры, вы понимаете?

– Абсолютно с вами согласен. – Шеф не то чтобы кивнул, а так, слегка наклонил голову, подтверждая свои слова. – Совладельцы бизнеса должны быть осторожны во взаимоотношениях.

Александр Сергеевич не стал уточнять, что агентство «Шиповник» имеет аж четырех совладельцев – весь наличный состав сотрудников. Даже я, хоть и работаю здесь меньше года, тоже партнер-совладелец. Самый младший, правда, с минимальной долей и исключительно совещательным голосом. Но у меня есть перспектива роста и пример перед глазами – Гоша с Ниночкой. Они, соответственно, равноправные партнеры, уже с правом голоса. Сам же Сан Сергеевич первый среди равных, и его голос всегда решающий. Но, признаться честно, я не замечаю у нас особой осторожности во взаимоотношениях. Тот же Гошка не далее чем на прошлой неделе... впрочем, я отвлекаюсь.

– Вот-вот, и я о том же! – Кулиничева обрадовалась сдержанной поддержке шефа. – Женя, конечно, человек разумный, но какому мужчине понравится, что его девушку называют воровкой? А если у меня в руках будет пленка, если я смогу показать ему, как Долли по витринам шарит, Женя меня еще поблагодарит. Я ведь полицию вызывать не собираюсь, мне в магазине скандалы не нужны.

– Теперь ваша идея мне понятна. – Баринов снова взял в руки визитку, постучал уголком по столу. – И сколько времени вы предполагаете таким образом наблюдать? Допустим,

мы поставим камеру завтра утром, но ведь нет никакой уверенности, что завтра же и будет совершена кража. Может пройти неделя, две, месяц...

– Долго ждать не придется, – перебила его Татьяна Викторовна. – Я заказала партию совершенно уникальных амулетов – золото, платина, бриллианты, сапфиры, изумруды. Не простая ювелирка – эксклюзив. Сейчас все лежит у меня в сейфе, добраться невозможно. Но как только вы поставите камеру, я выложу амулеты в витрину. Долли не удержится. Один день, не больше, в крайнем случае два – и она что-нибудь да стащит.

– И ее не удивит, что вы вдруг добавили к своим товарам золото?

– Почему добавила? Нет, вы меня не поняли. У меня всегда есть в продаже ювелирные изделия. Это, конечно, не совсем фэн-шуй, но среди людей несведущих они пользуются популярностью. Последнюю коллекцию мы уже практически распродали, и мне все равно пора пополнять витрину. Просто в этот раз я заказала вещи более дорогие.

– Хм. И вы готовы рискнуть?

– Да в чем здесь риск? Камера же все зафиксирует! Разумеется, прежде чем выгоню Долли, я заставлю ее все вернуть! – Клиентка вспомнила про Гошу и под металлический аккомпанемент украшений (и почему их звон сначала показался мне мелодичным?) снова повернулась к нему: – Разве это сложно? – Прежде чем Гошка успел ответить, она перевела взгляд на меня. – Вам что, не приходилось раньше видеокамеры ставить?

Я неловко кашлянула. Как хозяйка, Татьяна Викторовна имеет полное право оснастить свой магазин видеокамерой. Есть ли у нее право наблюдать за своими сотрудниками в течение рабочего дня – об этом, пожалуй, можно поспорить, но не нам заводить разговор об этичности подобных действий, поскольку мадам Кулиничева совершенно права: камеры нам ставить приходилось, и неоднократно.

Тем не менее совершенно ясно, что любимый шеф вовсе не радуется возможности заработать легкие деньги (поставить камеру, зафиксировать факт кражи, передать копию записи клиентке – конечно, это легкие деньги). Отсутствие энтузиазма у Александра Сергеевича тем более странно, что наше финансовое положение нельзя назвать блестящим. Не хочу сказать, что агентство «Шиповник» испытывает в данный момент материальные трудности, но вы же понимаете – мировой кризис, общее ухудшение экономической ситуации, евро падает, про доллар и говорить нечего... Да и не привыкла я как-то от денег отмахиваться. Я осторожно покосилась на напарника – Гошка хранил нейтралитет, удерживая на физиономии выражение тупого, но исполнительного дуболома.

Кулиничева поняла, что внятной реакции от меня не дождется, и снова обратилась к Баринovu.

– Сколько будет стоить эта операция? – деловито спросила она.

– Недорого. – Александр Сергеевич достал из ящика стола лист с типовым текстом договора. – Вот, ознакомьтесь.

– Объясни мне, – обратилась я к напарнику, как только мы закрыли за собой дверь кабинета, оставив Татьяну Викторовну и шефа обсуждать условия. – Что Сан Сергеичу не нравится? Дело-то простое.

– Дело простое, зато клиентка сложная. – Гошка потрогал бок стоящего на подоконнике электрического чайника и рассеянно нажал на клавишу. – А такая на первый взгляд приятная женщина.

– Ты ей не поверил? – Я быстро перебрала в уме свои впечатления. Не могу сказать, что госпожа Кулиничева мне понравилась, но откровенного вранья она, кажется, не допускала. – Думаешь, ей вовсе не камера наблюдения нужна?

– Камера ей нужна, но вот для чего – этот вопрос я бы оставил открытым.

– Ниночка, ты тоже так считаешь?

Секретарь-референт детективного агентства «Шиповник» в переговорах с клиентами не участвует, но объяснять ей суть дела необходимости нет. Благодаря последним достижениям науки и техники Нина, не покидая своего места в приемной, слушает все, что говорится в кабинете Барина, и ведет протокол беседы.

– Дамочка скользкая. – Пальцы Нины на мгновение замерли над клавиатурой компьютера. – Кстати, что это там у вас все время звенело?

– Она и звенела, Татьяна Викторовна. Обвешалась мишурой всякой, как елка новогодняя. Значит, говоришь, Кулиничева скользкая?

– Да. И она явно темнит.

– Но что тут можно... – Чайник закипел, и я достала три чашки. Бросила в каждую по пакетик с заваркой, залила кипятком и продолжила рассуждать: – Я имею в виду, где она может смухлевать? Ей нужна камера наблюдения, чтобы зафиксировать, как продавщица ворует товар.

Я поставила чашку Ниночке на стол, положила рядом пару конфет. Нина, не отрываясь от работы, благодарно кивнула.

– Вполне естественное желание, – завершила я свои рассуждения.

В оставшиеся чашки я положила сахар, размешала и одну подала Гошке.

– Спасибо, радость моя, – улыбнулся он. – И как ты догадалась, что я чая хочу?

– Элементарно, Ватсон, ты чайник включил. Скажи лучше, если не для слежки за продавщицей, для чего Кулиничевой может камера понадобиться?

– Вариантов масса. Допустим, она собирается организовать ограбление собственного магазина – страховка, то, се, в подробности вникать не будем. И запись, сделанная нашей камерой, послужит независимым свидетельством.

– Свидетельством чего?

– Откуда я знаю? Сделаем запись, посмотрим, тогда скажу. Или, например, она в своем магазине, кроме фэн-шуй, еще наркотиками приторговывает. И решила в целях безопасности собрать компромат на покупателей.

Ниночка хихикнула, а я подозрительно посмотрела на Гошку:

– Ты это серьезно? Или следующим пунктом будет предположение, что ее постоянными клиентами являются маленькие зеленые человечки, и она решила запечатлеть их для программы «Ты неверишь»?

– Как тебе сказать? Вообще-то фантазии человеческие – суть энергия неистощимая и непредсказуемая. И что может учудить такая вот звенящая дамочка, ни тебе, ни мне в голову никогда не придет. Хотя на маленьких зеленых человечков я бы не рискнул поставить.

– А на что бы ты поставил?

– Самым простым был бы вариант с ревностью. Допустим, наша клиентка подозревает, что ее супруг неровно дышит к новой продавщице. А разговоры, что он привел ее в магазин по чьей-то там просьбе, что она чья-то там пассия, – это все для отвода глаз. Вот она и хочет застукать своего благоверного.

– Зачем тогда огород городить? Сказала бы прямо, что за мужем хочет проследить. Нам-то какая разница?

– Ритка, откуда я знаю? Я за тараканов, которые у Татьяны Викторовны в голове, отвечать отказываюсь. И вообще наше дело маленькое – камеру поставить и факт кражи или отсутствия оной зафиксировать. Еще денежки от клиентки получить. А что она себе нафантазировала, это нас не касается.

На следующее утро, без десяти восемь, мы с Гошей вошли в магазин «Жизнь по фэн-шуй». Хотя договаривались мы на восемь, Кулиничева уже ждала нас. Костюм на ней был другой, и набор украшений она тоже сменила, но их было по-прежнему много. И так же, как

вчера, многочисленные браслеты-серьги-цепочки сопровождали каждое движение Татьяны Викторовны назойливым позвякиванием.

– Заходите, заходите, – приветливо пригласила она, протягивая Гошке ручку для поцелуя.

Напарник послушно коснулся губами тонких пальчиков и, покосившись в мою сторону, незаметно подмигнул.

– Посмотрите, как у меня здесь все устроено. Места, конечно, немного, но я все распределила очень удобно. Вот, например, сразу у входа музыка ветра – фун-линь. – Она легонько потянула Гошу за рукав и указала на развешанные вдоль стены китайские подвески с колокольчиками. – Иногда их еще называют «Шепот ветра». Это очень сильный защитный элемент, вносящий гармонию в энергетический план помещения. Не все понимают, что мощные потоки энергии Ци, выходя из-под контроля, способны причинять существенные разрушения. Но «Шепот ветра» способен противостоять этим разрушительным потокам и обузывать их. Я не буду сейчас углубляться в подробности, но подбор подходящего фун-линь – это очень увлекательное занятие! – Татьяна Викторовна стрельнула глазками, блестяще выполнив упражнение из арсенала воспитанниц пансиона благородных девиц: «в угол, на нос, на предмет». Гошка ответил ей абсолютно идиотской улыбкой, и клиентка, скромно опустив реснички, прошептала: – Если вы захотите приобрести что-нибудь для дома или для офиса, я буду очень рада вам помочь, у меня в магазине прекрасный выбор.

– Непременно, – горячо заверил ее Гоша. – Считайте, что мы договорились: с сегодняшнего дня покупаем фун-линь только у вас.

– Договорились, – многозначительно улыбнулась Кулиничева, бросила на меня рассеянный взгляд и с явным сожалением отвернулась от колокольчиков. – А с этой стороны у меня зеркала. Кстати, я обратила внимание, что у вас в офисе очень мало зеркал, – это в корне неверно! Зеркала – это ведь главные помощники, они поглощают отрицательную энергию, а для вас, я имею в виду для вашего офиса, это особенно важно. – Татьяна Викторовна прижалась к Гошке и погладила его по плечу. Очевидно, чтобы он проникся важностью вопроса поглощения отрицательной энергии. – К вам ведь разные люди приходят, вы понимаете? Вам в приемную обязательно нужно зеркало.

– Но у нас есть зеркало. – У меня было ощущение, что, воркуя с Гошкой, Татьяна Викторовна забыла о моем существовании, и я решила напомнить о себе. – Разве вы не заметили? Около шкафа висит.

– Это не зеркало! – отмахнулась Татьяна Викторовна, и я непроизвольно поморщилась. Еще немного – и у меня от непрерывного дребезжания, которое издает эта дамочка, зубная боль начнется. – В замочную скважину смотреться и то уместнее. Человек должен отражаться в зеркале полностью, только тогда это имеет смысл. Вот, например, как здесь.

Она подтащила Гошку к большому зеркалу в массивной деревянной раме и остановилась перед ним. Когда я говорю, что зеркало было большим, я имею в виду, что оно действительно было большим, – в нем без труда уместилось не только отражение хозяйки и Гоши, но и мое.

– Обратите внимание – резной дуб. – Покрытый перламутрово-розовым лаком ноготок постучал по раме. – Сочетание зеркального полотна и дерева очень эффективно. Так что, если надумаете приобрести приличное зеркало в приемную, я очень рекомендую именно этот вариант. А для кабинетов я вам могу предложить круглую или овальную форму, там они более рациональны. Только нужно учесть все нюансы правильного расположения. Ни в коем случае нельзя вешать зеркало напротив двери, а вот рядом со столом – это очень удачное место. И когда будете вешать зеркало, обязательно проследите, чтобы в нем можно было видеть некоторое пространство над головой, – это как бы формирует место для развития идей, вы понимаете?

Признаюсь, эта неожиданная лекция заинтересовала меня. Я бы с удовольствием послушала Татьяну Викторовну, если бы ее словам не аккомпанировал непрерывный металлический звон. И если бы мадам Кулиничева не липла так откровенно к моему напарнику. Рассуждая насчет «отражения пространства для развития идей», она снова прижалась к Гошке и одарила его таким откровенным взглядом, что мой всегда невозмутимый напарник порозовел. Что ж, значит, роль бестактного нахала сегодня переходит ко мне. Я выразительно кашлянула и, дернув Гошку за руку, заставила его отойти на два шага в сторону. После чего строго обратилась к клиентке:

– Извините, Татьяна Викторовна, но мы пришли не для того, чтобы купить зеркало.

– Ах да, конечно. – Татьяна Викторовна хмуро посмотрела на меня. – Я действительно немного увлеклась. Где вы хотите поставить камеру?

– А где приманка?

– Приманка? А, витрина с золотом! Вот она.

Клиентка подвела нас к небольшой узкой витрине. За стеклом, на застеленных темно-синим бархатом полках, были разложены кольца, броши, серьги, кулоны и прочие ювелирные украшения. Большинство было выполнено в форме знаков зодиака, но встречались и подковы, и ракушки, и разные геометрические пирамиды-конусы, и совсем неизвестные мне, но, очевидно, имеющие глубокий мистический смысл загогулины.

– Красиво. – Хотя у меня никогда не было украшений, достойных упоминания (не считать же таковыми «девичий» перстенок с фианитом, подаренный родителями на восемнадцатилетие, да цепочку с кулоном в виде дельфина, которые я купила себе на первую зарплату), я всегда любила поглазеть на драгоценности. Особенно мне понравился тонкий бело-желтый браслет, набранный из витых, замысловато изогнутых деталей, неравномерно украшенный красными и синими камушками. Я взглянула на этикетку, скромно пристроившуюся рядом с браслетом. – Хм. Цена... разумная.

– Вас что-то заинтересовало? – предупредительно улыбнулась Кулиничева. – Браслет? У вас хороший вкус, вещь действительно достойная. Золото, платина, рубины, сапфиры, – быстро перечислила она. – Если захотите купить, думаю, я смогу оформить вам скидку, процентов семь.

– А... э-э... сейчас как-то не к случаю. Может быть, позже, к Новому году например?

Только суровое воспитание, полученное в полноценной педагогической семье, не позволило мне забыть о вежливости и использовать в отношении цены определение «разумная». Даже с теперешней моей совсем не учительской зарплатой, чтобы купить этот браслет, мне понадобилось бы не семь, а девяносто семь процентов скидки. А вообще, что за глупости? Зачем мне браслет? Жила я как-то до сих пор без сапфиров и платины!

– Это все тоже помогает устоять против вышедших из-под контроля потоков энергии Ци? – с веселым любопытством поинтересовался Гоша. Короткой передышки ему хватило, чтобы прийти в себя.

– Это? – Татьяна Викторовна окинула витрину взглядом, в котором забавно сочетались пренебрежение и гордость. – Конечно нет. Строго говоря, к фэн-шуй это в большинстве своем вообще отношения не имеет. Но у покупателей пользуется популярностью. Ювелирка мне больше трети месячной выручки дает, вы понимаете?

– Что тут не понять. Золото, конечно, металл презренный, но в смысле хлеба с маслом наиболее перспективный. Значит, камеру нам лучше всего... Ритка, ну-ка прикинь, с геометрической точки зрения куда нам глазок пристроить?

Я прикинула, подумала, прикинула еще раз и уверенно ткнула пальцем в стену:

– Вот сюда.

Гошка кивнул и так же уверенно заявил:

– Не годится.

Кулиничева моргнула, изучила указанную мной точку, оглянулась на витрину и снова уставилась на стену.

– Сама знаю, что не годится, – сварливо ответила я. – Но ты же просил с геометрической точки зрения.

Татьяна Викторовна неожиданно решила вернуться к образу маленькой сиротки. Она потянула Гошку за рукав и пропищала:

– А почему? Если камера будет здесь, – она поскребла крашенным ноготком точку на стене, – каждого, кто витрину откроет, очень хорошо видно будет!

Напарник расплылся в отвратительно широкой улыбке:

– Но мы же хотим вести скрытое наблюдение, не так ли? Значит, камеру нужно как-то замаскировать. А здесь... – он похлопал ладонью по ровной светлой поверхности, – сами видите.

– Понимаю, – старательно зазвенела серьгами клиентка, снова придвигаясь к Гоше. – Но если нужно, я могу здесь что-нибудь повесить. Например, вон ту картинку сюда перенести. Или календарь?

– Не стоит, – мягко отказался он, не делая, впрочем, попыток отстраниться. И зачем, спрашивается, я трудилась, оттаскивала его от этой мымры? – Календарь, неожиданно появившийся посреди стены, может привлечь внимание Долли. Нам надо установить камеру, ничего не меняя в привычном для нее интерьере.

– Понимаю, – повторила Татьяна Викторовна, не сводя с Гошки нежного взгляда.

С ее росточком тяжело, наверное, все время голову задирать, шея болеть будет. А Гошка? Смотрит на эту пигалицу со снисходительно-самодовольной улыбкой. Ему что, нравятся такие ужимки? Честное слово, я была о своем напарнике лучшего мнения!

Да, с клиентами надо вести себя вежливо и тактично, клиентам надо потакать – сколько раз я сама одергивала Гошку, когда он, забывшись, начинал хамить. И в целом внимание к мадам Кулиничевой, которое напарник проявляет в данный момент, я не могу не одобрить. Повторяю – в целом! Но зачем настолько хвост распускать? В конце концов, это неэтично по отношению ко мне. Пока он тут изображает павлина на ярмарке, чем прикажете мне заниматься? Пойти погулять?

Гоша бархатным голосом продолжал излагать Татьяне Викторовне основные правила установки скрытой камеры. Я бросила на напарника негодующий взгляд (на который он, разумеется, не обратил никакого внимания), развернулась и отправилась в самостоятельное путешествие по магазину.

Витрина с улыбающимися толстопузыми божками разного размера, полки с «денежными» жабами, с какими-то свитками, исписанными красными и черными иероглифами, витрина с картинами в китайском стиле, витрина с коробками, наполненными небольшими металлическими шариками неизвестного мне назначения... слишком много витрин. И все они стоят под разными углами, перекрывая обзор. Хорошо, что нужно следить только за золотом; взять под наблюдение весь магазин – десяток камер понадобился бы.

Я внимательно изучила шкафчик с большим выбором разного рода благовоний, обошла его и оказалась перед витриной с образцами посуды... Надо же, эти солонки-сахарницы что, тоже имеют отношение к фэн-шуй?

От посуды прямой выход на кассу, а справа и слева от кассы – двери. Я не поленилась, открыла обе. Та, что слева, украшенная большим плакатом, призывающим покупать какие-то особенные глиняные дудочки, вела на склад. Я про шла вдоль полок, заставленных аккуратными рядами коробок и ящиков, и обнаружила еще одну дверь, на этот раз массивную металлическую, с двумя замками и тяжелым засовом. Очевидно, она выходит во двор, и именно через нее товар попадет в магазин. Я вернулась в торговый зал и открыла вторую дверь. Стол, компьютер, вмонтированный в стену большой сейф – понятно, это каби-

нет директора. Хотя... мягкий диван вдоль стены, рядом с ним узкий шкафчик с посудой, обеденный стол и холодильник. На холодильнике пристроились СВЧ-печка и электрический чайник – ага, эта часть комнаты предназначена для отдыха персонала. А что у нас здесь? Сан-узел, и даже с душевой кабиной? Очень удобно. Госпожа Кулиничева действительно заботится о своих служащих. И этот странный симбиоз в директорском кабинете можно понять – магазин небольшой, если выделять отдельные комнаты и для директора, и для персонала, то для товаров места не останется.

Может, мне здесь посидеть, на мягком диване, пока эта милая парочка любезничает? Чаю попить? Ага, и душ принять заодно! Мы сюда зачем приехали? Камеру ставить? Значит, хватит Гошке развлекаться, пора к делу переходить.

Я вернулась в торговый зал и оценила обстановку. Безобразие. Пока я бродила по магазину, Кулиничева так ловко притерлась к Гоше, что он просто вынужден был успокаивающе похлопать ее по плечу. Да так и оставил там, на хрупком, вздрагивающем от волнения плечике, свою похожую на лопату ладонь. Повторяю, я всегда выступаю за вежливое отношение к клиентам, но должны быть границы! А если Гошка так увлекся этой крашеной выдрой, что о работе забыл, я сама найду подходящее место для камеры, прямо сейчас!

Так, откуда у нас витрина с золотом лучше всего просматривается? Если не считать участок стены, на который я указала прежде всего, то вполне подойдет стеллаж, на котором выставлены свечи самых разных размеров и форм. Вот эту большую свечу чуть подвинуть... нет, тогда нижние полки интересующей нас витрины окажутся в мертвой зоне. Конечно, вероятность того, что Долли будет подбираться к золоту по-пластунски, не слишком велика, но все-таки хочется иметь полную картину. Можно попробовать спрятать камеру среди китайских колокольчиков, но с этой точки она зафиксирует только спину человека, подходящего к витрине, руки будут скрыты. Не годится. Если на пленке будет видно только то, что Долли подходит к витрине и стоит около нее, это не может считаться доказательством. Мало ли, подошла, поправила золотые безделушки, переложила поаккуратнее – продавец имеет право и даже обязан этим заниматься. А нам нужно записать, как она эти колечки-сережки не просто с полки берет, но и в карман прячет. И съемка со спины в этой ситуации не подходит. Значит, надо выбрать место сверху и сбоку... О, да вот же она, нужная точка! И словно специально для того, чтобы удобнее было камеру маскировать, именно здесь висит пышная лиана. Интересно, живая или пластиковая? Я пощупала плотный зеленый листок и убедилась, что не только наша Ниночка предпочитает искусственные цветы живым. Прекрасно, можно прятать камеру, не боясь повредить нежное растение.

Парочка у стены продолжала ворковать.

– Гоша, я все осмотрела. – Боюсь, что мой голос прозвучал немного раздраженно. – Если тыстроишь камеру под этой лианой, – я слегка дернула за пластиковый листок, – то витрина с золотом будет видна достаточно хорошо.

Надо признать, Гошка не замедлил воспользоваться случаем и вырвался из цепких пальчиков мадам Кулиничевой.

– Под лиану. – Он подошел и тоже подергал зеленый листочек. Потом повернулся в сторону витрины с золотом, прищурился, оценивая, и кивнул, на этот раз – одобительно. – Молодец, Ритка! Местечко – лучше не бывает. Все золото как на ладошке, а камеру я листьями замаскирую: специально искать будут – не найдут! Танечка, – он подмигнул зардевшейся хозяйке, – вы мне стул организуйте. Но не такой, – напарник кивнул в сторону хрупкого, покрытого резьбой стула рядом с кассой, – а попроще. Чтобы на него в ботинках влезть можно было, и он от этого товарный вид не потерял.

Обыкновенного стула Татьяна Викторовна предложить не смогла, зато на складе нашлась стремянка, что, согласитесь, даже лучше. Гошка в три минуты привинтил к стене камеру. Еще пару минут он потратил на то, чтобы спрятать ее между листьями, закрепив их

несколькими полосками прозрачного скотча. А потом почти пятнадцать минут, не обращая внимания на мое довольно громкое шипение, попрощался с клиенткой, делая вид, что дает ей последние инструкции. Наконец мне удалось выдернуть его из магазина.

– Ну как? – самодовольно ухмыльнулся Гошка, едва мы оказались на улице. – Как это выглядело со стороны?

– Отвратительно, – холодно проинформировала я, открывая машину и усаживаясь на водительское сиденье. – Ты был похож на кота, рядом с которым поставили миску сметаны. И почему вдруг «Танечка»? Она лет на пятнадцать тебя старше!

– Пятнадцать лет туда, пятнадцать сюда, разве это имеет значение? Если женщина хочет, чтобы я называл ее Танечкой, я не могу возражать. Или ты ревнуешь?

– Пожалуй, нет, – немного подумав, честно ответила я. – Но уж очень гадко все это выглядело. И еще я не понимаю, зачем Кулиничевой вдруг понадобилось тебя в постель затаскивать?

– Э, Ритка, тут ты не права! Дамочка вовсе не хочет меня в постель тащить, она старалась, чтобы это я захотел ее в постель заполучить. Чувствуешь разницу?

– Не очень. Конечный результат один и тот же. – Я завела «москвич» и осторожно – очень мешали припаркованные по обе стороны дороги машины – тронулась с места.

– А если подумать? Ну, давай, напряги мыслительный аппарат.

– Хочешь сказать, что Танечка, – последнее слово я произнесла со всей язвительностью, на которую была способна, – вовсе не на твою мужественную красоту запала, а просто хочет тебя использовать?

– Вот именно. – Обратив внимание на мою язвительность Гошка, как обычно, не посчитал нужным. – И я в меру сил постарался ей подыграть. А уж зачем ей это понадобилось, мы разберемся по ходу... тормози!

Это было ужасно. Ряд машин, перекрывавших мне обзор, прервался, и я начала разгоняться, как вдруг неизвестно откуда на дорогу выскочил невысокий худой мужчина в коричневом плаще. Из всех сил я нажала на педаль тормоза, «москвич» занесло, и на мгновение мне показалось, что все обойдется. Но мужчина в плаще споткнулся, неудачно попытался отпрыгнуть в сторону, взмахнул руками, с силой ударился о капот и покатился по асфальту.

Я заорала и выскочила из машины, кажется, раньше, чем она остановилась. Сбитый мною человек, неловко раскинув руки, лежал почти под колесами. Я упала рядом с ним на колени и трясущимися руками попыталась нащупать пульс. Мужчина шевельнулся и слабо застонал.

– Жив! Слава тебе господи, он жив! Гоша, надо скорую, быстрее! – Я оглянулась на напарника, который не так быстро, как я, но тоже покинул наш «москвич» и сейчас возвышался над нами, хмуро разглядывая место происшествия. – Или ну ее, эту скорую, ждать еще! Мы сами его можем...

– Ба-тю-шки! – неожиданно прервал меня Гошка ерническим тоном, который он приберегал для особо неприятных ему людей. – Кого я вижу! Коля-акробат, собственной персоной! Вот неожиданная встреча!

– А? – Мужчина открыл глаза, ловко вывернулся из моих рук и сел, уставившись на Гошу снизу вверх. – Георгий Александрович?

В его голосе радости от неожиданной встречи тоже не чувствовалось. А Гошка все тем же противным тоном продолжил:

– Я, Коля, я, собственной персоной. Ритка, познакомься с Николаем... как тебя по отчеству? Дмитриевич, кажется?

– Точно так, Георгий Александрович!

Потерпевший легко вскочил на ноги и отряхнул потрепанный плащ. Потом посмотрел на меня – я все еще стояла на коленях, хлопая глазами, – и подал мне руку:

– Позвольте вам помочь?

Ничего не понимая, я послушно ухватила за его ладонь и встала на ноги. А мужчина, не выпуская моей руки, слегка поклонился:

– Очень приятно познакомиться. Николай Дмитриевич Гусев.

– Очень приятно, – машинально ответила я. И жалобно посмотрела на напарника: – Гоша, что происходит?

– Все нормально, Рита. Гражданин Гусев не пострадал. И ты на него не наехала, он просто прыгнул тебе на капот. В расчете, что ты с перепугу раскошелишься на лечение несчастной жертвы дорожного происшествия.

– А-а, да-да, конечно, я сейчас... – Я судорожно зашарила по карманам, достала кошелек и открыла его.

– Эй, Ритка, ты что? – Гоша взял меня за плечи и слегка встряхнул. – Я же тебе объясняю, он не пострадал. Просто у человека такой способ зарабатывать деньги.

– То есть что? – чувствуя, как дрожит голос, переспросила я. – Он будет жить?

Круглыми от пережитого страха глазами я посмотрела на Гусева и снова перевела взгляд на Гошу.

– А что ему сделается? Хотя... Коля, ты долго еще собираешься прыгать? Не боишься? Возраст у тебя не юношеский.

– А что возраст? – неожиданно забавно напыжился Гусев. – Я любому молодому фору дам. И потом, куда мне деваться? Пенсии только на квартплату хватает. А я живой человек, мне кушать хочется. Семья опять же. Дети, им образование надо дать. А что? Я не хочу, чтобы мои мальчишки всю жизнь на манеже кувыркались. Старший у меня в политехнический посту пил, на коммерческое отделение. На архитектора учится. А младший в колледже, при университете, тоже не бесплатное заведение.

– Все равно опасная работа. Ты же собирался в цирк вернуться.

– Собирался. Только кому я нужен, пенсионер? Там такая мафия сейчас, не пробьешься. Да и не хочу я уже возвращаться, не о чем говорить. А что? Мне лишнего не надо. Мне раз в неделю под хорошую машину попасть – и достаточно.

Он энергично взмахнул рукой, и я заметила надорванный рукав плаща.

– Ой! Вы плащ порвали!

– Где? А, это. Не обращайте внимания, этой дыре несколько лет уже. Я рукав перед выходом каждый раз на живую нитку приметываю. Этот плащ у меня – как сценический костюм, специально для выступления.

– Ох, Гусев! – покачал головой Гоша. – Если бы ты знал, как мне хочется тебя сейчас задержать и проводить в отделение!

– Может, и хочется, – тонко улыбнулся Гусев. – А только я слышал, что вы из ментовки ушли. В частные сыщики, говорят, подались. Значит, никакого права меня задерживать у вас нет.

– У меня нет, у других есть. Я ведь могу сейчас позвонить и наряд вызвать.

– А зачем? – быстро возразил Гусев. – Зачем беспокоить занятых людей? Какой смысл? Предъявить вы мне все равно ничего не можете.

– Так-таки и ничего? А вымогательство денег путем мошенничества?

– Какие деньги? Я ваших намеков не понимаю! Я тихо, мирно шел себе через дорогу, никого не трогал... в неположенном месте шел, признаю, перехода здесь нет, но это же не повод, чтобы на меня наезжать? А деньги здесь ни при чем, я про деньги словечка даже не сказал! А что, это и барышня ваша подтвердит!

– Вообще-то он правду говорит, – тихо согласилась я. – Денег он действительно не просил.

– Не успел, – проворчал Гоша.

– Георгий Александрович, ваши подозрения меня оскорбляют! Если по закону, то ко мне претензий никаких быть не может, вы же знаете. У нас закон граждан защищает!

– Ладно, Коля, наряд вызывать действительно смысла нет. Но ты признайся, что твои кувырки под машиной – это мошенничество в чистом виде. Не для протокола, просто так, между нами, признайся!

– Не согласен! – Гусев расправил плечи и гордо задрал подбородок. – Я не согласен с такой постановкой вопроса! Зачем сразу – мошенничество? Может, это тест для водителя на профессиональную пригодность. А что? Вы сами знаете, как сейчас права выдают – их каждый второй просто покупает. Или каждый первый. И как народ ездит, вы тоже знаете – втопил педаль газа и помчал со свистом. А после встречи со мной у этих Шумахеров сразу и осторожность появляется, и аккуратность... Лучше я работу проведу, чем они какую-нибудь старушку беззащитную по асфальту раскатают.

– Интересный подход. Значит, говоришь, тест на профессиональную пригодность?

– Именно так! А что? Некоторые, кстати, проходят. В прошлом месяце одна дамочка лихо так меня объехала! Еще успела кулак показать и обматерила – это я понимаю, водитель! Было бы таких побольше, так у честных граждан не болела бы голова о безопасности на дорогах.

– А сейчас, значит, болит? – кротко уточнил Гоша. – У честных граждан? И в том числе у тебя?

– А что? – снова завелся Гусев. – Я гражданин! И меня волнует, что кривая дорожно-транспортных происшествий неуклонно поднимается!

– Поэтому ты прыгаешь под машины, а потом ошкуриваешь, как можешь, перепуганных автовладельцев.

– Опять вы мне мошенничество пристегнуть хотите! А я рассматриваю это как важную работу по профилактике нарушений! И если кто-то и вручает мне небольшие суммы, то я принимаю их исключительно в качестве оплаты за свой нелегкий и рискованный труд. А что?

– Еще можно считать, что это добровольные пожертвования в пользу жертв ДТП, – засмеялась я, испытывая чувство счастливой легкости. Ничего страшного не произошло, никого я не задавила, все живы и здоровы – жизнь прекрасна! – Или как штрафы за превышение скорости. Гошка, я просто чувствую себя обязанной заплатить штраф! Я ведь действительно не сумела его объехать! Какие у вас расценки? – обратилась я к акробату.

– Не, – осторожно отказался тот. – Штрафы я не имею права собирать, этим гаишники занимаются. И вообще, что мы здесь топчемся? Взаимных претензий нет? Значит, расходимся, некогда мне тут с вами лясы точить. Счастливо оставаться.

Гусев повернулся и медленно двинулся вдоль дороги.

– Эй, Коля! – окликнул его Гоша. – Ты что, опять пошел машину искать? Может, хватит на сегодня?

Гусев остановился, повернулся к Гоше и ответил с упреком:

– Я домашний кинотеатр жене купил и мальчишкам компьютер. Мне через два дня проценты по кредиту платить, а вы говорите «хватит»!

Когда мы с Гошей вернулись в офис, Нина обрабатывала сводку криминальных новостей. Это входит в ее ежедневные обязанности, и база данных у нее самая лучшая в области. Ну, может, только базе областного управления уступает, и то не намного. А еще она общесекретарские обязанности выполняет, и отдел кадров – тоже она, и бухгалтерия... в общем, Ниночка, хотя она и не оперативный сотрудник, для детективного агентства «Шиповник» наиважнейший человек! Клиенты время от времени пытаются ее переманить (неблагодарные люди – мы решаем их проблемы, а они в это время пытаются создать проблемы нам), но Нина всегда отказывается. С нами ей интереснее.

– Погодите, погодите, ничего не рассказывайте! – попросила она, на секунду отрывая взгляд от экрана компьютера. – Мне тут на две минуты работы осталось. Рита, включи пока чайник, ладно?

Разумеется, мы с Гошкой не возражали. Пока Нина заканчивала, мы в четыре руки заварили чай, сервировали маленький, недавно купленный специально для чаепития столик на колесиках (на этом настояла все та же Нина – ей надоело, что народ постоянно расставлял чашки на ее рабочем столе) и позвали «наше все». Александр Сергеевич появился в дверях своего кабинета точно в тот момент, когда Ниночка откинулась на спинку стула и объявила:

– Готово! Где мой чай? – дотянулась до чашки, прихватила из вазочки конфету и сделала большой глоток. – А теперь рассказывайте, как она выглядит – жизнь по фэн-шуй?

– Фантастически, – заулыбался Гоша. – У Татьяны Викторовны этого фэн-шуя, по всему магазину, да в разные стороны... и главное, не только статуэтки да колокольчики всякие, оказывается, любая вещь может фэн-шуйем оказаться. Мадам, правда, все больше про зеркала рассказывала, но там и посуда есть, и шторы всякие, и подушки в специальных фэн-шуйных наволочках, и кожгалантерея, и прочего всякого товару – полные полки!

Надо же, мне казалось, что Гошка только хвост павлиний распускал да глазки своей Танечке строил, а оказывается, он не меньше меня разглядел, даже больше. Я, по крайней мере, никакой кожгалантереи не заметила.

– И что, все это действительно имеет отношение к фэн-шуй? – Ниночка была искренне заинтересована.

Александр Сергеевич, в отличие от нее, слушал невнимательно, размешивал в чашке сахар и ждал, когда Гошка перейдет к делу.

– Я так понял, что не все. Есть для специалистов товар настоящий, но его немного и стоит дорого. А больше ерунды всякой. Ничего, люди покупают. Тем более что народ у нас в этих восточных хитростях не слишком разбирается, всему на слово верит. Сказано, например, что черный кошелек нельзя покупать...

– Почему черный нельзя? Очень удобно и практично. Я всегда черные кошельки покупаю, – перебила Нина.

Я ничего не сказала, но кивнула, соглашаясь. Действительно, удобно и практично. У меня тоже кошелек всегда черный или темно-коричневый.

– Поэтому у тебя и денег вечно нет, – обрадовался Гошка. – Вот знай, что деньги любят зеленый цвет и кошелек, хотя бы изнутри, должен быть зеленым! Ну, в крайнем случае красным.

– Глупость какая. – Нина неуверенно посмотрела на меня. – Деньги или есть, или их нет. А зеленых кошельков я вообще не видела никогда.

– Я видела зеленый кошелек, и он мне не понравился. И красный ненамного лучше. – Я запнулась, потому что сестрица моя, Маринка, как раз предпочитает красные кошельки. И не могу сказать, что это помогло ей разбогатеть. Хотя, наверное, от кошелька нельзя требовать слишком много – от человека тоже кое-что зависит. У Маринки в руках деньги никогда не задерживаются: сколько утром в кошелек положила, столько к вечеру истратила, а красного он цвета или зеленого, это уже значения не имеет.

– По-моему, зеленый кошелек – это все равно что жабу в сумочке носить, – упрямо проворчала Нина.

– Кстати, жаба, чтоб ты знала, самое полезное в смысле денег существо, – жизнерадостно отозвался Гошка. – Их специально покупают, чтобы они богатство в дом приманивали.

– Живых? – неожиданно заинтересовался шеф. – И сколько их нужно? Для богатства?

Гошка поперхнулся, и я получила возможность тоже блеснуть эрудицией. Тем более что этими «денежными жабами» в магазине у Танечки... пардон, у мадам Кулиничевой три

большие полки битком набиты, и рядом, на стеночке, инструкция, как этих земноводных правильно употреблять. Не то чтобы я ее внимательно изучила, но одним глазком заглянула, пока между витринами бродила.

– Это специальные статуэтки, – важно объяснила я. – Но такую жабу нельзя абы где ставить. Чтобы от нее польза была, в смысле чтобы достатка в доме прибавилось, ее надо... вот я не помню точно, в какой комнате, помню только, что спальня, кухня и коридор под запретом.

– И где же мне прикажете ее держать? – обиделась Нина. – На балконе? У меня в квартире отдельная комната для жабы не предусмотрена.

– На балконе – ни в коем случае! – Разумеется, Гошка не может молчать больше двух минут. – Только хуже себе сделаешь. Вместо того чтобы разбогатеть, разоришься.

Возможно, вас удивляет, что мы, сотрудники детективного агентства, не бегаем, не собираем улики, не следим за предполагаемыми преступниками, а тратим время на такую вот болтовню. Так все очень просто. У нас сейчас наблюдается некоторый, несомненно временный, застой в делах. Татьяна Викторовна – единственная, кто решил воспользоваться на этой неделе нашими услугами. А на нее мы сегодня уже ударно поработали, камеру видеонаблюдения установили. И до вечера – совершенно свободны. Вот закроется магазин, уйдет подозреваемая в кражах Долли домой, тут мы снова явимся: дневную запись забрать да камеру перезарядить. А пока – время есть, что ж не поболтать в приятной компании?

Впрочем, о делах мы тоже не забывали. Александр Сергеевич, удовлетворив свое любопытство по поводу жаб (насколько мне известно, в его квартире тоже не имеется свободной комнаты для приносящей богатство статуэтки), спросил, как прошла установка камеры.

– Нормально, – ответил Гошка. – Ритка хорошее место подобрала, вся витрина с золотишком как на ладони.

– Кстати, – вспомнила Нина, – я по нашим новым друзьям информацию подобрала. Вот, здесь все четверо: сама Кулиничева, ее супруг Олег Андреевич, Лихачев и Дарья Лагутина, она же Долли. – Она протянула Гоше тонкую папку. – Уж что нашла. Извини.

Гоша быстро просмотрел содержимое папки и передал мне.

– Негусто.

– Лица законопослушные, в криминале не завязаны, – развела руками Нина.

Я внимательно изучила четыре листка со скупыми биографическими данными. Действительно, негусто. И никакой полезной информации. Не считать же таковой сообщение, что госпожа Лагутина закончила курсы моделей при городском Доме офицеров и участвовала три года назад в конкурсе красоты «Хрустальная корона». В одном из газетных отчетов она даже была упомянута как «подающая надежды». Увы, ни одно модельное агентство не предложило «подающей надежды» Долли контракт, и пришлось девушке, вместо подиума, отправляться в магазин. Не в овощной, конечно, капустой-мор ковкой торговать, а в стильный салон, но все равно не о такой карьере, я думаю, мечтала Долли, когда была еще Дашенькой и ходила на курсы моделей.

А интересно, как эта барышня представляет себе будущее? Не собирается же она всю жизнь за прилавком стоять, пусть даже в таком хорошем месте, как магазин-салон «Жизнь по фэн-шуй»? С другой стороны – на что еще Долли может рассчитывать? Профессии нет, по крайней мере Ниночке не удалось обнаружить, чтобы она после школы училась где-нибудь, кроме уже упомянутых курсов. Хотя продавщица в таком заведении может рассчитывать на удачное (в смысле – выгодное) замужество. В «Жизнь по фэн-шуй», наверное, разные люди заглядывают. Может, и жених подходящий...

Я настолько увлеклась, планируя будущее девицы Лагутиной, что не обратила внимания на открывшуюся за моей спиной дверь. И только радостный шум, который подняли Гоша с Ниной, привел меня в чувство.

– Витька, здорово!

– Ой, Витя! Явился, пропадущий!

– Привет труженикам частного сыска!

Александр Сергеевич тоже заулыбался, взмахнул рукой:

– Давно ты к нам не заглядывал.

Я незаметно перевела дыхание. Напомнила себе, что Витя Кириллов мне совершенно не нравится и совсем меня не интересует. Он для меня – никто, ничто и звать никак. И то, что он не появлялся больше двух месяцев, это ничего не значит. Да я за это время и не вспомнила про него ни разу! Поэтому мне сейчас следует держаться спокойно и естественно. Я аккуратно убрала бумаги, которые все еще держала в руках, в папку, положила ее на стол и только тогда обернулась и кивнула Кирил лову.

Надеюсь, что у меня это получилось достаточно сдержанно, потому что, когда я его увидела... Витька, загорелый, веселый, смотрел на меня блестящими глазами и улыбался. Мне одновременно захотелось заплакать, броситься ему на шею и сбежать, забиться в какую-нибудь щель, чтобы никто никогда меня не нашел. В результате я замерла перед ним, глупо моргая.

– Здравствуй, Рита.

– Здравствуй. – Ф-фу, голос, кажется слышится, уже хорошо. Я постаралась улыбнуться и спросила совершенно незаинтересованно: – Где это ты так загорел? Можно подумать, что и не ноябрь на дворе.

– Точно, загар как у интуриста, – поддержал меня Гошка. – С курорта вернулся?

– Да так, съездил ненадолго в южном направлении. – Витька явно не собирался ничего рассказывать. – А что у вас нового? Судя по тому, что вы не в бегах, а здесь, чай пьете, в делах застой?

Баринов неопределенно пожал плечами, а Гошка уточнил:

– Застоем это назвать нельзя, но и большого наплыва клиентов нет. Тянем одно дельце потихоньку.

– Витя, ты чаю с нами выпьешь? – предложила Нина, доставая чашку.

– Не, сейчас времени нет, я на минутку заскочил, только договориться. У меня денежка завелась – начальство премию отвалило. Поможете прогулять? Я в одном тихом ресторанчике столик заказал.

– Ха! Что ж не помочь хорошему человеку в хорошем деле! – мгновенно откликнулся Гошка. – Я всегда готов!

Нина тоже обрадовалась:

– Здорово! Сто лет в ресторане не была! Только, чур, не японский, я сырую рыбу терпеть не могу.

– Я помню, – засмеялся Кириллов, и я невольно залюбовалась. – Сырой рыбы в меню не будет, я гарантирую. Сан Сергеич?

– На меня не рассчитывайте, – отказался Баринов. – В моем возрасте в рестораны не тянет. А вы, молодежь, сходите, проветритесь.

– Рита, а ты что скажешь?

– Ничего не скажет, – ответил за меня Гошка. – Ты что, Ритку не знаешь? Она застеняется и пожмет плечами. Дескать, как люди, так и я.

Я тут же потупила глазки и ковырнула пол носком туфельки:

– Как люди, так и я. – Мне удалось пробормотать это достаточно смущенно, и теперь рассмеялись все.

Собственно, на этом визит Кириллова в наш офис и закончился. Он предупредил, что в восемь часов заедет за «молодежью», и испарился.

– Нормально, – подвел итог Гоша. – В шесть часов мы с Риткой смотаемся в магазин и заберем запись. Времени хватит, чтобы вернуться и все просмотреть. А пока, может, еще разок по чайку вдарим?

Но «вдарить по чайку» Гошке не удалось. Зазвонил телефон, и Александр Сергеевич, который в этот момент находился ближе всех к аппарату, снял трубку.

– Агентство «Шиповник». Я вас слушаю. Да. Добрый день, Александр Анатольевич. Разумеется, помню. А что случилось? Ах, вот как... – Шеф нахмурился. – А вы подъехать... нет, никаких проблем. Мои сотрудники будут у вас через двадцать минут. Да, Гоша. Хорошо. Конечно, договорились. Всего доброго.

Баринов положил трубку и спросил:

– Гоша, ты директора нашей филармонии помнишь?

– А как же. – Напарник расплылся в улыбке. – Милейший человек! Я такого коньяка, как он нам в прошлый раз...

– Вот у этого милейшего человека снова неприятности, – прервал лирические воспоминания шеф. – При этом дело исключительно конфиденциальное, и он категорически не хочет, чтобы полиция что-нибудь пронюхала.

– Делать им больше нечего, как филармонию нюхать, – фыркнула Нина.

– Еще он сказал, что дело личное, но крайне важное, потому что государственное.

– Узнаю стиль Александра Анатольевича, – кивнул Гоша. – Образованный человек, сразу видно. И при должности. Умеет говорить так, что вообще перестаешь понимать, о чем речь.

– Гоша, он вас ждет, – напомнил Баринов.

– А мы уже в пути! Ритка, ты готова?

– Давно. – Как только я увидела озабоченное лицо шефа, я сразу пошла к шкафу. Куртку я, правда, еще держала в руках, но туфли на сапоги уже сменила.

– Значит, выходим. Сан Сергеич, можете передать клиенту, что морская пехота спешит на помощь!

В кабинете директора филармонии для посетителей стояли мягкие, обитые красным плюшем кресла. Я устроилась в одном из них и довольно невежливо уставилась на Александра Анатольевича Лосева. Пожалуй, ему уже ближе к пятидесяти, чем к сорока. Высокий, начинает полнеть и лысеть, но держится очень прямо и движения по-юношески быстрые. Модные очки, костюм, мокасины из тонкой кожи – все явно не рыночного происхождения, дорого и стильно. Вот только галстука нет. Интересно, это последняя мода (наши высшие чины стали часто появляться на телевизионном экране именно так – в костюмах, но без галстука, с расстегнутым воротничком рубашки) или господин Лосев снял галстук оттого, что нервничает? А в том, что он нервничает, нет никакого сомнения. Александр Анатольевич подождал, пока мы сядем, снял очки, бросил их на стол и заметался по кабинету.

– Понимаете, я никак не могу допустить, чтобы в дело вмешалась полиция. Это может испортить мне репутацию раз и навсегда! Собственно, если бы я знал, как сделать, чтобы вообще никто ничего не узнал...

– Простите, Александр Анатольевич, – мягко перебил его Гоша. – Если вы ожидаете от нас помощи, вам придется рассказать нам, в чем дело. Причем не намеками, не обрывками, а четко и подробно, с начала и до конца.

– Да, конечно, я понимаю. – Лосев скорбно кивнул и взял в руки очки. – Вы правы, я должен рассказать все, с самого начала.

– Прежде всего, объясните, что именно случилось? Что-то украли?

Александр Анатольевич вздрогнул и уставился на Гошу, испуганно прижав очки к сердцу.

– Откуда вы знаете? – спросил он хриплым шепотом.

– Я не знаю, я всего лишь предполагаю. Но, чтобы привести вас в такое состояние, должно было случиться нечто экстраординарное. Например, убийство или кража очень ценного предмета. Скрывать убийство от полиции вам не пришлось бы в голову, а вот кражу... Так что пропало?

– Скрипка, – выдохнул Александр Анатольевич. – Из Госколлекции. Семнадцатый век, работа Паоло Маджини. Хранилась у меня в сейфе.

– Дорогая скрипка? – уточнил Гоша. И сам себе ответил: – Хотя, если семнадцатый век, наверное, дорогая.

– Дорогая, – эхом откликнулся Лосев. – Но дело не только в цене. Я же говорю, это вопрос репутации. Не только моей, личной, для филармонии это тоже очень неприятно. Кто с нами согласится дело иметь, если у нас инструменты из Госколлекции пропадают?

– Понятно. – Напарник бросил на меня короткий взгляд, убедился, что мой зеленый рабочий блокнот открыт, коротко кивнул и сосредоточился на Лосеве. – Когда вы видели ее в последний раз?

– Как вы это говорите: «в последний раз»... – поежился тот. – Впрочем, ладно. Скрипка, я уже сказал, хранилась в сейфе, а я в него, сами понимаете, ежедневно не заглядываю, нужды нет. Неделью назад открывал, она была на месте, а сегодня... сегодня утром я открыл сейф, а там, – голос Александра Анатольевича дрогнул, – там ничего! Пусто!

Гошка встал, подошел к массивному, но незатейливому железному ящику, метра полтора высотой, постучал по дверце костяшками пальцев.

– Серьезная вещь. Кодового замка, как я понимаю, нет. И сколько лет этот монстр, – теперь он шлепнул по железу ладонью, – здесь стоит?

– Н-не знаю, – растерялся Лосев. – Я кабинет уже с сейфом принял. И до меня... не знаю, давно он здесь. Он к стене привинчен.

– К стене, это, конечно, хорошо, это полезно. Но вот замок... – Гошка наклонился к скважине, внимательно ее изучая, потом обернулся ко мне: – Рита, взгляни.

Александр Анатольевич попятился, давая мне возможность встать рядом с напарником. Я осмотрела замочную скважину не менее внимательно и сделала вывод:

– Следов взлома не наблюдается. Сейф был открыт ключом.

– Как ключом? – задохнулся Александр Анатольевич. – Ключ у меня! Всегда вот тут. – Он попробовал засунуть руку, в которой продолжал держать очки, в карман, продолжая невнятно бормотать, бросил очки на стол, тут же снова схватил, надел и, наконец, достал из кармана небольшую связку, выбрал длинный стерженек и показал нам: – В кармане у меня ключ, я же говорю!

– Этот? – У Гоши предъявленный ключ большого интереса не вызвал. – Открыть сейф вы сейчас можете?

– Конечно!

Теперь уже я отступила в сторону, пропуская Лосева к скважине. Он ловко воткнул стерженек в отверстие, надавил, повернул и, наконец, открыл тяжелую дверцу.

Александр Анатольевич, несомненно, погорячился, когда сказал, что в сейфе пусто. На верхней полке аккуратными стопками были сложены какие-то плоские коробочки, на нижней лежали сборники нот и два подарочных набора шоколадных конфет. Пустой оказалась только одна, средняя полка. Именно на нее и указал дрожащий палец директора.

– Вот. Здесь она и лежала. – Лосев неожиданно, совсем по-детски, шмыгнул носом и добавил: – Работы Паоло Маджини.

Некоторое время мы разглядывали опустевшую полку, потом Гошка задал самый естественный в такой ситуации вопрос:

– Вы кого-нибудь подозреваете в краже?

Повторяю, напарник задал вопрос совершенно естественный и разумный. Но Александр Анатольевич почему-то обиделся.

– Вы что, моих сотрудников имеете в виду? Конечно, это не ангелы, это творческие люди, с ними всякое бывает – и склоки, и дразги, и сплетни, даже до драк иногда доходит, честное слово! Насчет выпивки... и с женщинами, допустим, тоже... в общем, проблем хватает. Но украсть инструмент! Украсть скрипку из Госколлекции! Нет, на такое никто не способен!

– Допустим. – Гошка не стал зря терять время и спорить с директором, вставшим на защиту коллектива. – А дубликат ключа имеется?

– Конечно. Но он хранится дома, в шкатулке с документами, про него никто, кроме жены и сына, не знает.

– А как ваша жена и сын отреагировали на известие о пропаже скрипки? – тут же поинтересовалась я.

– Они еще не знают. Сами понимаете, такими новостями не спешишь обрадовать близких. На самом деле, кроме вас, об этом вообще никто не знает. Я надеюсь, что, если вам удастся быстро найти инструмент, все можно будет сохранить в тайне.

– Мы постараемся, – пообещал Гоша. – Прежде всего, нам нужно поговорить с сотрудниками. – Лосев открыл было рот, но Гошка нахмурился и строго перебил его: – Да-да, я помню, все они кристально честные люди! Тем не менее любой из них мог что-то случайно заметить, что-то услышать... Вы же понимаете.

– Да, конечно, я понимаю, – сник Александр Анатольевич.

– Вот и хорошо. Так когда можно поговорить с сотрудниками?

– Когда угодно, хоть сейчас. С теми, кто на месте, естественно. Но я вас умоляю! – Александр Анатольевич снова прижал ладони к сердцу. – Ни в коем случае не говорите никому о пропаже скрипки! Они все очень милые люди, но это же творческие работники! Через десять минут о краже будет знать весь город!

– Не беспокойтесь. Мы не распространяем информацию, мы собираем ее!

Все-таки в Гошке пропадает незаурядный артист. Фразу, которую он сам сделал неофициальным девизом агентства «Шиповник», напарник произнес так, словно она только что пришла ему в голову. Лосев моргнул и уставился на меня.

– Мы будем осторожны, – заверила я. – А с супругой вашей и сыном когда удобнее встретиться?

Лицо Александра Анатольевича приобрело лимонно-уксусное выражение.

– Не понимаю, зачем их тревожить? Они не имеют никакого отношения к этой неприятной истории!

Я только пожала плечами и предоставила слово Гоше. Напарник прочел короткую, но емкую лекцию о профессионалах и методах их работы, намекнул на какой-то темный эпизод, имевший место в прошлом, и припугнул полным отказом от работы – поскольку клиент не проявляет желания сотрудничать.

Лосев готов был сдаться на первой минуте лекции, но безжалостный Гоша заставил его выслушать все до конца и только после этого позволил открыть рот.

– Хорошо, я согласен, я действительно все понимаю! Просто я хотел оградить своих близких... это ведь естественно. Лида сейчас на работе, она в методкабинете, на полставки. Но я бы не хотел, чтобы вы там встречались, это немного неудобно. Она после обеда дома будет. – Александр Анатольевич посмотрел на внушительные золотые часы, украшающие

его запястье, и на мгновение задумался. – Собственно, я тоже могу подъехать. Да, так и договоримся, после трех часов мы будем вас ждать!

– С сыном мы тоже хотим поговорить, – чувствуя себя последней занудой, напомнила я. Лосев неожиданно замаялся.

– Это не совсем просто. – Он снова снял очки, положил их на стол и потер переносицу. – Дело в том, что несколько дней назад мы с Толей сильно повздорили. Не в первый раз, к сожалению, последнее время мы стали часто ругаться. У него появились какие-то новые друзья, он стал пропускать занятия, сессию летнюю на тройки сдал, без стипендии остался. До зимней чуть больше месяца, а мне уже звонили из деканата. – Александр Анатольевич нервно сцепил пальцы в замок.

Я посмотрела на очки, лежащие на столе. Судя по толстым стеклам, у Лосева довольно сильная близорукость. Что ж, понятно, почему он предпочел снять очки. Когда ты вынужден рассказывать посторонним людям о проблемах с собственным сыном, лучше, если лица собеседников видны не слишком отчетливо.

– В общем, я пытался поговорить с сыном, серьезно поговорить, – продолжал тем временем Александр Анатольевич. – А он повел себя... безобразно. Заявил, что ничего нового я ему не скажу, что он все уже сто тысяч раз слышал. Что если я остановлюсь на середине фразы, то он может продолжить наизусть, с любого места. Признаюсь, я растерялся. Я не ожидал такого и не знал, что делать. Выпороть? Но ему уже девятнадцать лет, он выше меня на голову. Отобрать машину? Но мы живем в пригороде, как он будет ездить на занятия? Я пригрозил лишить его карманных денег.

Гошка неодобрительно хмыкнул, а я покачала головой:

– Это не метод.

– Я понимаю, но в тот момент ничего лучшего мне в голову не пришло. Толя страшно обиделся, сказал, что ему вообще ничего от меня не нужно, хлопнул дверью и ушел. Даже машину не взял, на автобусе уехал. Он и раньше, бывало, не ночевал дома, то у друзей оставался, то у девушки своей. Но вот так, после ссоры, – Лосев виновато развел руками, – впервые. Супруга очень переживает. Она всегда переживает, когда с Толей проблемы. Понимаете, с его матерью я развелся, и Лида словно чувствует себя виноватой. Хотя для этого нет никаких оснований, мы развелись за два года до того, как я познакомился с Лидой. И Толик ее очень хорошо принял, у них прекрасные отношения. Не как у матери с сыном, конечно, но они дружат.

– После развода сын остался с вами? – насторожилась я. – Так нечасто бывает.

– Сначала-то он, как все, с матерью жил. Но потом она замуж вышла и собралась за границу. Недалеко, на Украину, но Толя не захотел туда ехать. Ему уже четырнадцать было, против воли не увезешь. В общем, мы с его матерью договорились – она уехала с новым мужем, а Толя остался со мной. Точнее, с нами, я к тому времени тоже уже женился.

Я снова посмотрела на стол. Слева, в тонкой металлической рамке, стояла семейная фотография – сам Лосев, очень похожий на него паренек и молодая красивая женщина.

– Это они?

– Да. Это мы прошлым летом, на даче.

– Простите, а на сколько ваша жена моложе вас?

– Намного. – Александр Анатольевич недовольно поджал губы. – Лида на четырнадцать лет моложе меня и на десять лет старше Толика. И я бы не хотел, чтобы вы предполагали существование каких-то особых отношений между моей женой и моим сыном. Считаю необходимым заявить, что подобные подозрения нелепы и оскорбительны...

– Помилуйте, Александр Анатольевич! – перебил его Гоша. – Ничего такого Рита не имела в виду.

– Я просто хотела узнать, сколько лет вашей жене, – подтвердила я.

Несколько секунд Лосев сверлил меня тяжелым подозрительным взглядом, потом ответил:

– Двадцать девять. Так вот, Лида звонила Толику, но не смогла узнать, где он живет. И домой он отказался возвращаться. Но я надеюсь, что скоро он передумает. Позавчера Толя приходил сюда, в филармонию. Меня не было, я как раз в это время сидел на совещании в областном Министерстве культуры. Толя сказал секретарше, что подождет меня здесь, в кабинете... Правда, когда я вернулся, он уже ушел. Но все равно я думаю, это означает, что он почти готов к мирным, так сказать, – Александр Анатольевич жалко улыбнулся, – переговорам.

Мы с Гошкой переглянулись, и он слегка кивнул мне – дескать, продолжай. Я кашлянула и осторожно уточнила:

– И как? Мирные переговоры уже начались?

– Пока нет. – Александр Анатольевич снова взял со стола очки и надел их. Очевидно, он решил, что самая мучительная часть разговора позади. – Я, разумеется, как вернулся из министерства, сразу позвонил Толе, но он отключил телефон. Я просто не могу с ним связаться.

– А вы, когда уходите из филармонии, кабинет не запираете?

– Редко. Вроде бы незачем. Все ценное у меня в сейфе. И потом, секретарша в приемной... подождите, вы что, Толю заподозрили? Нет, этого не может быть, это совершенно невероятно! Он здесь ни при чем, уверяю вас! У нас с сыном, конечно, сейчас сложный период, но это ничего, это даже естественно, я сам, помню, тоже с отцом ссорился. На кражу скрипки Толя не способен. Он прекрасно понимает, что это будет означать для меня. – Лосев повернулся к Гошке и снова горячо повторил: – Поверьте, Толя здесь ни при чем!

– Вам-то я верю, – не стал спорить напарник. – Но я правильно понял, когда ваш сын уходил, его никто не видел?

– Н-нет, кажется. Светлана Александровна, секретарша моя, точно не видела. Да нет, ерунда какая-то, надо просто найти Толю, и вы убедитесь... Ах, как нехорошо получается, я ведь не знаю, где он. Ребята, с которыми он раньше дружил, говорят, что давно с ним не встречались. Я звонил Людмиле, его девушке, но она отказалась со мной разговаривать. Сказала только, что они с Толей расстались.

– Ничего, думаю, мы сумеем найти вашего сына. И насчет скрипки тоже... – Гошка оглянулся на пустую полку сейфа, – постараемся. Для начала нам нужны телефоны и адреса его друзей и его девушки, нам надо будет с ними поговорить.

– Хорошо. – Александр Анатольевич немного расслабился.

Он подошел к столу и, не присаживаясь, начал писать.

– Вот, это телефон и адрес Сергея, школьного приятеля Толи. С Андреем они учились в училище, но Толя потом поступил в консерваторию, а Андрей бросил музыку. Сейчас он, кажется, в какой-то фирме, программистом работает. Телефон и адрес Людмилы – она тоже студентка, учится в университете, на истфаке. Там сейчас открыли отделение по организации туристического бизнеса, вот она и учится... организовывать.

– Хорошая специальность, – одобрил Гоша, забирая исписанный листок. – Что ж, Александр Анатольевич, не будем вам больше мешать. Да и нам пора делом заняться.

В приемной было пусто. Мы не стали ждать, когда появится секретарша, и вышли в коридор. Кстати, филармонические коридоры меня немного удивили. Не могу сказать, что я в этом храме культуры завсегдатай, но, когда у тебя сестра скрипачка, поневоле приходится бывать и в оперном театре, и в филармонии, причем бывать не так уж редко. И мне всегда нравилось пышное убранство зала и фойе. Наверное, поэтому я подсознательно ожидала, что административная часть выглядит так же богато. Оказывается, ошибалась. Коридор оказался

не слишком широким и довольно унылым: выкрашенные бежевой краской стены, темно-коричневые прямоугольники дверей да лампы дневного света на высоком потолке. Хоть бы картинки, что ли, развесили для оживления.

– О чем задумалась? – спросил Гошка, придерживая меня за плечо, я чуть не прошла мимо поворота на лестницу.

Не признаваться же, что вместо дела я размышляла об украшении коридора, который мы только что покинули. Поэтому я ляпнула первое, что пришло мне в голову:

– Прикидываю, кто забрался в сейф Лосева – сын или жена?

Гоша усмехнулся:

– Есть еще третий вариант – скрипку приватизировал сам Лосев.

– Лосев? Да, о том, что потерпевший может ограбить себя сам, я всегда забываю. Ладно, с кого начнем работу? С жены, с друзей сына, с подружки? Или со здешних сотрудников?

– А ты что предложишь?

Я остановилась на первой ступеньке лестницы.

– Самым разумным было бы поговорить с секретаршей. Но на месте ее нет, а где искать, мы не знаем.

– Согласен. Только зачем нам самим трудиться эту дамочку искать? Вернемся к Александру Анатольевичу: его персонал – пусть он и обеспечивает возможность побеседовать.

Мы снова прошли тускло-бежевым коридором, и я, на шаг опередив Гошу, открыла дверь в приемную. Открыла и замерла на пороге.

За обширным рабочим столом восседала немолодая женщина и одним пальцем стучала по клавиатуре компьютера. Она подняла голову, увидела меня и любезно улыбнулась:

– Добрый день. Я могу вам чем-то помочь?

– А? – откликнулась я. Нелепо, конечно, но я уже настроилась требовать от Александра Анатольевича, чтобы он нашел секретаршу, а она, пожалуйста, на месте сидит! Наверное, была в соседнем кабинете и, пока мы с Гошей по бежевому коридору туда-сюда гуляли, успела вернуться. – Я имею в виду, добрый день!

Ой, как нехорошо. Я совершенно не подготовилась к разговору и теперь понятия не имею, что сказать этой... как же Лосев ее назвал? Ах да, Светлане Александровне!

В этот момент Гоша, которому надоело топтаться за моей спиной, слегка подтолкнул меня, заставляя сделать шаг вперед, и тоже зашел в приемную.

– Здравствуйте. Нам действительно нужна ваша помощь. Видите ли, мы из консерватории, разыскиваем Толю Лосева. Он не ходит на занятия, а скоро сессия.

– Вы хотите поговорить с Александром Анатольевичем? Сейчас я узнаю, сможет ли он...

– Нет-нет, – остановил ее Гоша, – с Александром Анатольевичем мы уже встретились, только что. И он сказал, что вы видели Толю три дня назад.

– Да. Он приходил к отцу, но не дождался его.

– Когда это было? В какое время?

– Перед обедом. Часов в двенадцать. – Светлана Александровна слегка сдвинула в сторону клавиатуру, словно давая понять, что готова к длинному подробному разговору. – Толя зашел, спросил, на месте ли Александр Анатольевич. Честно говоря, я обрадовалась, что он пришел. У них с Александром Анатольевичем в последнее время постоянно возникали трения, Толя даже из дому уходил. Я думаю, все дело в жене Александра Анатольевича. Я ничего не хочу сказать, Лидия Семеновна хорошая женщина, но она слишком молода. И потом, все равно, как бы она ни старалась – мачеха есть мачеха. А мальчики в этом возрасте очень чувствительны. Не думаю, что она хотела Толю обидеть, но знаете, как это бывает?

Неудачная шутка, необдуманное слово – родной сын внимания не обратит, а пасынок не простит.

– То есть вы заметили разлад в семье Александра Анатольевича? – Я тоже решила поучаствовать в беседе.

– Трудно было не заметить. – Секретарша явно чувствовала себя обязанной быть в курсе всех дел начальника, как служебных, так и личных. – Александр Анатольевич очень переживает из-за этих бесконечных ссор. И Толя, наверное, тоже. Он, когда приходил, выглядел таким расстроенным и усталым! И, как назло, Александр Анатольевич был на совещании, в министерстве. Я, конечно, предложила Толе подождать,пустила его в кабинет. Но когда Александр Анатольевич вернулся, его уже не было. Если бы я видела, как он уходит, я бы постаралась его задержать, но я на месте не сижу, столько дел!

– Вы успели с ним поговорить? Может, он вам что-нибудь рассказал?

– Нет. Толя вообще мальчик молчаливый, неразговорчивый. Он больше слушает, чем говорит. Так что в основном я ему рассказывала. У меня выдалась свободная минутка, и я очень деликатно постаралась объяснить ему, что Александру Анатольевичу сейчас очень тяжело. Просто черная полоса у человека! Мало того что на работе сплошные неприятности, жена попала в аварию, да еще он, Толя, добавляет сложностей. Не знаю, может, мне не стоило в это лезть, в конце концов, это не мое дело, но ведь и Александр Анатольевич мне не чужой человек, мы столько лет вместе работаем! И Толя, можно сказать, у меня на глазах вырос.

– Простите, простите! – встрепнулся Гошка. – Вы говорите, что у Александра Анатольевича неприятности на работе? Что вы имеете в виду?

– Разве вы не знаете? Это же всему городу известно! У симфонического оркестра срываются гастроли по Испании – принимающая сторона не выполняет обязательства. В октябре дожди были такие, что крыша протекла и залило костюмерную. А в подвале, наоборот, замкнуло проводку, чуть пожар не случился! А концерт Хворостовского? Александр Анатольевич так гордился, что наш оркестр будет сопровождать его выступление, а что получилось? Новенькая скрипачка два раза вступала на такт раньше! Она, конечно, молоденькая девочка, только после консерватории, но это ее не оправдывает, я так считаю. А концертмейстер вторых скрипок обозвал ее дурой, да так громко, что в зале было слышно. Мне уже звонили из Новосибирска и из Ростова, спрашивали, правда ли, что Хворостовский отказался в будущем выступить с нашим оркестром.

– А это правда?

Про конфуз на концерте Хворостовского я знала от Маринки, сестрица подробно, чуть ли не в лицах, изобразила мне все, что тогда произошло. Но разговор об отказе от дальнейших выступлений был для меня новостью.

– После концерта Хворостовский поблагодарил публику – действительно, в зале сидели потрясающе снисходительные люди, если они стерпели все то, что вытворяли наши музыканты, – и пообещал обязательно приехать снова. Но добавил, что в следующий раз приедет с камерной программой и собственным аккомпаниатором. Как вы думаете, что он имел в виду?

– Действительно, неприятности, – сочувственно кивнул Гоша.

– Это не просто неприятности, это черная полоса! – со вкусом повторила секретарша. – И все время не хватает денег! На ремонт крыши, на ремонт подвала, на обновление нотной библиотеки, на покупку инструментов, на организацию гастролей... С финансированием положение просто катастрофическое, хотя наши нужды прописаны в бюджете отдельной строкой! Но год заканчивается, а филармония не то что половины – трети обещанного не получила! Просто хоть на большую дорогу выходи и грабь прохожих! Понятно, что у Александра Анатольевича нервы на пределе. А эти семейные неурядицы, я боюсь, его до больницы койки доведут!

– Кстати, о семейных неурядицах! – вспомнила я. – Вы упомянули, что жена Александра Анатольевича попала в аварию. Что-то серьезное?

– Вот тут я ничего не могу сказать, – с искренним сожалением ответила Светлана Александровна. – Просто не знаю. Я слышала только, как Александр Анатольевич разговаривал с Лидией Семеновной по телефону. Она ему позвонила и, кажется, плакала. А он два раза переспросил: «Авария? Какая авария?» – а потом сказал, чтобы она ждала его и что все уладится. Быстро собрался и уехал. Дней пять уже прошло, но больше эта тема не возникала. Лидия Семеновна как-то приезжала, и я вышла, осмотрела ее машину. Не знаю, никаких заметных следов аварии нет и следов свежего ремонта тоже. Так я и не знаю, что там случилось. Но Александр Анатольевич мне ничего не стал рассказывать, а я не спрашивала. У меня нет привычки лезть в чужие дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.